

Владимир Шеменев

**На всё
воля
Божья!**

Один день из жизни семьи протоиерея Алексия Голикова

16+

Владимир Шеменев
На всё воля Божья!

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Шеменев В.

На всё воля Божья! / В. Шеменев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Военная повесть про веру и неверие. Осенью 1941 года в тыл Калининского фронта забрасывается группа немецких диверсантов, матёрых горных стрелков. Егеря безнаказанно взрывают мосты, расстреливают автоколонны и убивают начсостав. Немцам удастся посеять панику в прифронтовой полосе. Найти диверсантов в глухих тверских лесах очень сложно, и от этого они чувствуют себя неуязвимыми, но всё это до тех пор, пока им не встретился русский дезертир Алёшка Смирнов, он и привел фрицев в заброшенную деревню стоящую среди Селижаровских болот, в которой жил священник отец Алексей со своей семьёй...

Содержание

Пролог	6
Часть 1. Церковь	8
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Человеку неверующему эта история покажется малореальной, православный же скажет:
«На всё воля Божья!»

Всем расстрелянным, сожженным и замученным в годы войны священнослужителям и их семьям посвящается.

Пролог

По армейскому ранцу, что стоял рядом с офицером, монотонно барабанили капли дождя. Их ритмичный стук напоминал Фридриху щелчки хронометра, отсчитывающего чей-то срок. Командир егерей отвел край перчатки и еще раз посмотрел на часы. Светящиеся точки на циферблате всё так же показывали полчетвертого. Стрелки не хотели двигаться, и офицер усмехнулся, думая о том, что он, обер-лейтенант Фридрих фон Зельц, наконец-то научился останавливать время.

Офицер не был мистиком, но в судьбу верил, зная с детства, что у каждого человека она предопределена с рождения и её можно улучшить верой и добрыми делами. Вот за ними он и пришел в Россию: чтобы избавить мир от большевистской заразы. Его не сильно смущал тот факт, что при этом гибли невинные люди, в таких случаях Фридрих любил повторять фразу, услышанную однажды на похоронах от сельского пастора: «На всё воля Божья», хотя во всём остальном он отказывал Богу. Обер-лейтенант был протестантом, и это позволяло ему скептически относиться к Божьему промыслу, приписывая победы и достижения исключительно собственным заслугам, личной воле или в крайнем случае считая всё произошедшее элементарным везением.

Как и сегодняшний день.

Не успели выйти к дороге – и сразу же пришлось падать лицом в мокрую листву. Мимо проехали два мотоциклиста в касках, летных очках и кожанках без знаков отличия, зато с автоматами. Патруль в столь ранний час навел на мысль, что будет штабная машина, и Фридрих приказал ждать. Будет ли птица важной, он точно не знал и мог лишь надеяться, что «гусь» – так обер-лейтенант называл генералов РККА – окажется жирным.

Место для засады выбрали удачное. Дорога за поворотом уходила в низину, к которой вплотную подступал мокрый темный лес, отливающий синевой. В овражке колея расплзлась, превращалась в огромную бурую лужу, засыпанную нанесенной ветром листвой.

Пронизывающий ветер дополнял картину хмурого осеннего утра, не предвещающего ничего хорошего тем, кто поедет мимо подлеска, в котором затаились егеря. Их лица не выражали эмоций и им не было никакого дела до прохудившегося неба, промокшей насквозь одежды и холода, от которого стыли пальцы. Люди в пятнистых куртках под цвет золотящегося октябрьского леса были солдатами, и пришли они сюда убивать, а не вздыхать по испортившейся погоде.

Отряд даже вдвое больший по численности, с пистолетами и винтовками, не смог бы остановить егерей. Четырнадцать горных стрелков, вооруженных автоматами, двумя ручными пулеметами и переносным 50-миллиметровым минометом, в короткой, но непродолжительной атаке могли бы смять даже роту винтовочников. Затяжные бои не входили в задачу группы, и, по инструкции, совершив налет, егерям следовало уклониться от повторного боестолкновения. Такой приказ был обусловлен важностью поставленной перед ними задачи – дестабилизации обстановки и создания паники в тылу врага.

По расчетам Фридриха, в пределах пяти минут должен появиться автомобиль. Сколько их будет – два, три или десять – какая разница? В любом случае егеря атакуют. Только колонна танков могла заставить Фридриха отдать приказ на скрытный отход без боя.

Обер-лейтенант расположил группу спиной к восходящему солнцу. И хотя небо было затянуто тяжелыми тучами, Фридрих знал, как обманчива погода осенью. Особенно здесь, в холодной и недружественной России, где, казалось, сама природа воюет против них. Надо было исключить всё, что помешало бы прицельной стрельбе, в том числе и солнечный луч, который мог прорваться сквозь тучи и ослепить в самый неподходящий момент.

Послышалось завывание двигателей. Именно так должен петь слабосильный мотор, тянувший перегруженную легковушку по размытой дождями и разбитой танками дороге.

Фельдфебель¹ Литке, лежащий в паре метров от Фридриха, повернулся к командиру, показывая два пальца. Обер-лейтенант кивнул: машин будет две.

Так оно и вышло: из-за поворота показались ползущие «эмки». Офицер поднял руку, призывая солдат к вниманию. Каждый в его группе знал, за что отвечает: кто подрывает, кто и когда кидает гранаты, очередность стрельбы...

Еще не осела от взрыва мины грязь, окутанная пороховым облаком; еще темные капли дождя, смешанные с кровью, ползли по стеклу, а пулеметы уже изрешетили оба автомобиля, не оставляя пассажирам шансов на жизнь.

К расстрелянным машинам пошли четверо: Фридрих, Литке и два солдата. Остальные остались на позициях, переведя стволы туда, откуда, по предположению обер-лейтенанта, могла нагрянуть расплата. Но всё было тихо. Только дождь монотонно стучал по крышам изуродованных автомобилей.

За бугром раздались характерные, узнаваемые щелчки – так стреляет их родной «шмайсер», и через некоторое время оттуда крикнули филином, сообщая, что мотоциклисты не приедут.

Двумя пальцами Фридрих отвел дверцу, с удовольствием отмечая, что «гусь» и вправду оказался жирным. В залитом кровью кресле сидел обмякший, перерезанный пулеметной очередью двухзвездный генерал, лет пятидесяти, небритый, с вьющимися, побитыми сединой волосами. По документам оказалось, что они перехватили начальника тыла армии и его подчиненных – подполковника и двух майоров. Во второй машине ехало сопровождение: офицер связи и лейтенант, обвешанный гранатами, – наверное, ординарец.

Фридрих приказал собрать документы, разлетевшиеся из подорванной машины. Обер-лейтенант спешил: дорога, на которой они сорвали куш, хоть и не была главной, но и по ней раз в полчаса проходила какая-нибудь колонна, направляющаяся на юг – туда, где гремел фронт. А еще у них было назначено рандеву с самолетом, который должен был сбросить провизию и патроны.

Да и как-то не хотелось погибать в расцвете сил...

¹ Фельдфебель – унтер-офицерский чин.

Часть 1. Церковь

Сон протоиерея Алексия Голикова, настоятеля храма Всех Святых, что во Мхах

Отцу Алексию приснился чудный сон.

Будто он был восхищен на небо, и сонм ангелов сопровождал его в этом торжественном восхождении. Раскинув белоснежные крылья, бесплотные силы несли батюшку, поддерживая за руки. И слова апостола Павла, словно напутствие, звучали в ушах: «Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба. И знаю о таком человеке (только не знаю – в теле или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать...»

И от всего с ним происходящего умилением и радостью переполнялось сердце отца Алексия.

Одно только смущало батюшку – его одежда. Он был не в праздничной фелони и камиллавке, как и положено священнику, собирающемуся предстать перед Всевышним, не в рясе с перекинутой через шею епитрахилью и даже не в чистом исподнем. Побелевшая от пота гимнастерка с малиновыми петлицами; грязные, порванные галифе, заправленные в стоптанные, вымазанные рыжей глиной сапоги, и солдатский ремень с пятиконечной звездой приводили отца Алексия в робкий трепет. Он не понимал, как оказался не в своей одежде и можно ли священнику в таком виде предстать на Суд Божий...

Это смятение в душе и пробудило его.

Глава 1

Батюшка открыл глаза.

В темной комнате тикали ходики. Дети спали за занавеской: сыновья – на двух сдвинутых лавках, а Дарья с младшими – на печи. Детей у священника было пятеро: три мальчика и две девочки. Первым шел Фёдор, потом Дарья, Иван, Танюшка и самый младший – Степан. Между старшими возраст разнился не сильно, сгиая по головам двухлетними прыжками. Это касалось только первой тройки. Между Иваном и Танюшкой разница была уже в четыре года, а между Таней и Степкой – три года: стройный ряд рождаемости немного подпортили аресты.

Отец Алексей откинул одеяло и сел на кровать, потирая лицо.

Виденное не выходило из головы. «Сон как сон, чего тут, – подумал батюшка и, вспомнив про гимнастёрку, коснулся руками подрясника: лен был теплый и немного шершавый на ощупь. – А хоть бы и так, чего мне бояться? На Тебя уповаю и Тобою живу, Господи! Прости меня, грешного». Перекрестился на темный угол, в котором висели иконы и где в свете мерцающей лампы угадывался образ Спасителя, висящий рядом с Пресвятой Богородицей.

– Боже, милостив буди мне, грешному, – прошептал батюшка, боясь разбудить детей. Помолчал, собираясь с мыслями, и тихонько добавил: – Меня не жалеи, не заслужил... Об одном только прошу: деток моих сбереги, вразуми и от веры истинной не дай отворотиться.

Священник был не стар годами, но и не молод лицом. Сеть морщин, выбитые зубы, редкие локоны и веником торчащая во все стороны седая борода делали его старше своих лет. Многим казалось, что перед ними умудренный жизнью старец, знаток душ и мудрый пастырь, к которому хочется припасть под епитрахиль и плакаться, не жалея слез. Всё было почти так – за исключением того, что в этом году отцу Алексею исполнилось сорок. Годы борения властей с церковью, козни обновленцев, три ареста и личное семейное горе не прошли для батюшки даром.

Весной этого года он схоронил жену – точнее, схоронили без него. Старшие сыновья – пятнадцатилетний Фёдор, рукоположенный в сан диакона, и одиннадцатилетний Иван, помогавший при храме алтарником, – отпели свою мать. Односельчане помогли выкопать могилу и опустить туда гроб. На этом их участие в погребении матушки закончилось. Потолкались у могилки и разошлись, не желая, а точнее – побаиваясь идти на поминки в дом арестованного и, как уже думалось, увезенного в безвестность священника. И хотя отца Алексея Голикова в селе любили, но власть боялись больше Бога, что явно противоречило спущенным с Неба заповедям.

Построение социализма накладывало на народ свой неизгладимый отпечаток.

Власть отвращала людей от Бога, закрывала церкви и делала из попов неких косматых чудовищ, питающихся исключительно кровью и плотью. Итак, выходило, что по всем пророчествам, приведенным в Ветхозаветных книгах и книгах Нового Завета, на страну воинствующих безбожников должна была обрушиться неминуемая кара – такая же, какая постигла отворотившихся от Бога иудеев. О чем накануне Пасхи в порыве страстной проповеди неосторожно и обронил отец Алексей: «...ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами и окружают тебя, и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещения твоего». Сказал он это в Вербное воскресенье, имея в виду совсем не то, что услышали уши прихожан.

Тут же нашлись доброхоты и накатали в райцентр бумагу о том, что местный поп предвещает скорое падение советской власти. Заодно вписали и про воду, которую священник хотел сделать источником, текущим в жизнь вечную – по безграмотности и скудоумию думая, что поп хочет отравить деревенский колодец.

Батюшку арестовали в Страстную пятницу.

Жена увидела в этом нехорошее предзнаменование и, как только телега с её супругом и тремя сопровождающими милиционерами скрылась за околицей, сползла по стене на пол, держась за сердце. Как говорили потом в деревне, у попадьи случился удар.

Протоиерея Голикова выпустили через месяц после Пасхи. Жену он не застал, зато застал войну.

В деревню он вошел в тот самый час, когда сельчане, собравшись возле магазина, слушали речь товарища Молотова.

Вспомнив матушку Елизавету, отец Алексей перекрестился, желая ей Царствия Небесного, нашупал пальцами ног войлочные ботики, опустил в них ступни и встал. Как-то невесело скрипнули пружины, освобождаясь от тяжести тела. Поверх подрясника священник натянул висевшую на спинке кровати вязаную кофту. Пальцы пробежали сверху вниз, вдавливая пуговички в петли. Батюшка поежился, как бы собирая растерянное тепло, и осторожно, стараясь не скрипеть разошедшимися половицами, подошел к иконам. Перекрестился еще раз, взял с полки свечу и, потянувшись к лампаде, зажег ссохшийся, почерневший фитилек. Огонек свечи вспыхнул и затрепетал от радости, что он силен и с лёгкостью может растапливать застывший воск.

Лампаду обычно по будням в доме не возжигали, приберегая деревянное масло для больших праздников, воскресных и торжественных дней. Но сегодня был особый случай – праздник в честь иконы Божией Матери «Прежде Рождества и по Рождестве Дева», очень почитаемой в Тверской губернии, особенно после холеры 1848 года, и батюшка еще с вечера наполнил лампадку маслом.

Прикрывая рукой дрожащий огонек, отец Алексей зашел за занавеску, где спали дети. Печь еще не остыла, и здесь, в закутке, пахло теплом и уютом. Священник встал на приступочек, осматривая детей. Младший, Степка, спал посередине, между Танюшкой и Дарьей. Батюшка поправил сползшее со Степана одеяльце, махнул рукой, прогоняя муху, и спустился на пол. Постоял перед сыновьями, лежащими на двух сдвинутых лавках. Фёдор и Иван спали в подрясниках, отчего одеяло лежало скомканным в ногах. Отец Алексей перекрестил детей и вышел.

В кухне холодило.

Батюшка присел на скамейку рядом с печью. Снял заслонку, оперся на шесток, и рука со свечой нырнула в топку. Пламя, жадное до любой еды, тут же ухватилось за тонкие, с вечера наструганные щепочки и кусочки бересты, подоткнутые под дровяной колодец. Газетами не топили – не было, да и боялись. Прележавшие всю ночь в теплом горниле дрова занялись, вспыхнули, затрещали. Отец Алексей заслонку задвинул наполовину – чтобы тепло уберечь и огню дать подышать. Задул свечу, машинально снял пальцами нагар с кончика фитиля и похозяйски сунул огарок в печурку. Потоптался, осматривая кухню: вода в кадке была, в стоящем на полу чугушке лежала начищенная еще с вечера картошка, между которой торчали носики моркови. В доме была еще брюква, но она, уже сваренная, стояла на столе. В погребе хранились соленья, но это закуска, а не еда. Мясо, хлеб, чай – пропали. Мука была, но её берегли на просфоры. Война коснулась всех, и семьи священнослужителей не стали исключением.

До зари было еще время...

Как человек, служащий Богу вот уже тридцать лет, отец Алексей ни разу не пропустил утреннее правило и никогда не вставал на него неумытым, непричесанным и неодетым.

Даже в тех местах, где ему пришлось побывать, он старался примять растрепанные волосы, хоть каплей воды да протереть глаза и, застегнувшись на все пуговицы, встать возле нар, устремляя свой взгляд на восток. Где сия сторона света, можно не спрашивать: на той стене всегда были нацарапаны голгофки – православные кресты. По символам отец Алексей понимал, что до него в этой камере находились священнослужители, да и он здесь, скорее всего, не последний.

Как он выскочил из-под пресса – одному Богу известно, но до сих пор в плохую погоду у него болели отбитые и искалеченные части тела. Из всех трёх арестов он запомнил только, как раскачивался на стуле, держась за сломанные ребра, и монотонно бубнил: «На всё воля Божья. Хотите убить – убейте, хотите отпустить – отпустите. У Господа все дела взвешены – и добрые, и злые...»

Чтобы не было жара и печь равномерно нагревалась, батюшка кинул поверх огня несколько сырых веток. Закрыв заслонку, слушая, как начинает оживать дом. Набрал в ковшик студеной воды, взял с подоконника круглую баночку с черным зубным порошком (смесь сушеной коры дубы, подорожника и золы), перекинул через плечо полотенце и вышел в сени.

Перед дверью уже крутился вьюном на коротких лапках черный смоляной кобелек с несвойственным для этих мест именем Тугрик. Бородатая мордочка делала его таким милым старичком, похожим на своего хозяина. При всем своем незлобном характере пёс являлся надежным защитником для поповских детей и единственной живности, которую прятали на чердаке и которая регулярно несла яйца в этом доме.

Откинув защелку, батюшка распахнул дверь, впуская в сени ночную сырость и звук капель, непрерывно стучащих по крыше. Плеснул из ковша на ладонь и, высунувшись в дверной проем, зафыркал, яростно растирая лицо водой.

За сеткой дождя с трудом угадывались потемневшая от влаги колокольня и купол деревянного храма, в котором протоирей Алексей Голиков служил настоятелем. Священник умылся и замер, привлеченный удивительным видом: сквозь темные свинцовые тучи прорвался луч далекой зари и коснулся креста на колокольне, превращая его в пылающую Голгофу. Прогорел и пропал, вновь погружая мир в неопрятную серую тьму.

Одно мучило отца Алексея: за что он удостоился такой чести – быть вознесенным в Царство Небесное? Что такого сделал, чтобы, проскочив мытарства, войти на брачный пир? Мысли опять вернулись к одежде. И тут его посетило сомнение.

А не бес ли подкинул сей сон?..

И не будет ли с ним, как сказано у апостола Матфея: «Царь, войдя посмотреть возлежащих, увидел там человека, одетого не в брачную одежду, и говорит ему: друг! как ты вошел сюда не в брачной одежде? Он же молчал. Тогда сказал царь слугам: связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю; там будет плач и скрежет зубов; ибо много званых, а мало избранных?» И будет он, протоирей Алексей Голиков, извержен во тьму кромешную за свою дерзость, что посмел явиться на пир не в своей одежде.

Хотя зачем тогда ангелы прилетали?..

Нет... все-таки это праведный сон и ему предстоит пострадать. А вот как – он не знал.

– Может, на фронт заберут?.. – батюшка пожал плечами и вздохнул. – А хоть бы и так. На всё воля Божья!

Сон рядового 917-го с. п., красноармейца Алексея Смирнова

В эту же ночь почти схожий сон, но с абсолютно противоположным сюжетом приснился еще одному человеку. Бойцу Красной Армии, рядовому 917-го стрелкового полка 249-й стрелковой дивизии, дезертиру Алёшке Смирнову.

Ночь, темнота, дождь.

Он стоит на паперти перед храмом. И вроде под зонтом, а зонти нет. С неба моросью сыпет, а он сухой. Храм за спиной темный, невзрачный – одним словом, мокрый какой-то. И зарница сверкает так, что жуть берет, и гром, не переставая, бухает. И понимает Алёшка, что не май и грозы не должно быть, и церковь вроде не к месту, и одет как-то не так. На нем платье черное до пят с распахнутыми рукавами, шапочка вязаная и крест на груди из чистого золота.

Смотрит на всё это комсомолец Алексей Смирнов и диву дается. Да как можно, чтобы в рясе да с крестом? И только он хотел всё это сорвать с себя, как из подлеска выскочил черт лохматый со шмайсером и затараторил на ломаном русском: «Матко, млеко, яйцо, пиф-паф, русии ивайне».

От такого зрелища задрожал Алёшка, сердце екнуло и затрепыхалось в груди. Хочет перекреститься – а руки, словно гири, тяжеленные; хочет закричать – так в горле пересохло; хочет молитву прочитать – и не знает ни одной. Только и может, что, как рыба, ртом воздух хватать.

А чёрт щерится своим свиным рылом и давит на спусковой курок, да так, что ствол автомата уводит вверх и пули секут по крыше храма. Отстрелялся, сбросил под копыта обойму, вставил новую, дернул затвор – и еще раз: да с оттяжкой, да прямым под ноги...

И только боец Красной Армии хотел дать драпу, как открылась дверь и из притвора в сиянии неизреченном вышел старец в архиерейских одеждах. Посмотрел на всю эту вакханалию, осенил бойца крестным знаменем, изрек: «Благословляю», – и исчез.

И страх унес.

Кинулся красноармеец к чёрту, сбил крестом наземь – и давай дубасить сапожницами. А сам рясу руками поддегивает, чтоб не путалась между ног. Добил фашиста, пот рукавом вытер и взгляд опустил. И видят его ясные очи, что из-под рясы сапоги кирзовые торчат – солдатские, стоптанные, глиной перепачканные...

Тут и проснулся боец Красной армии Алексей Смирнов.

Глава 2

Рядовой Алёшка Смирнов не проснулся – скорей очнулся от забытья, в которое он впал от усталости. Вместо креста в руке была саперная лопатка, густо измазанная кровью. Одет он был не в рясу с распашными рукавами, а в грязную, набухшую от влаги шинель. На голове вместо скуфейки сидела натянутая до ушей пилотка со звездочкой. И лежал перед ним зарубленный и забитый ногами немецкий солдат – из тех, что ходят за линию фронта. Коренастый малый с ровно сколотыми зубами от удара лопаткой, лычками ефрейтора поверх пятнистой куртки с капюшоном и серым металлическим эдельвейсом на кепи, вдавленной в грязь. Молодой и уже не живой.

Дождь стих, но ненадолго. Как артиллеристы между стрельбами, так и тучи сделали временную паузу, готовя боеприпасы. Осинник, в котором стоял Смирнов, шумел, наполняемый ветром. Этот шум и спас бойца Красной армии. Предсмертный крик немца был отнесен ветром в другую сторону. Туда и погнал обер-лейтенант своих разведчиков, стараясь окружить врага, посмевшегося забрать жизнь у солдата вермахта. Эта оплошность дала Алёшке фору во времени и шанс на выживание.

Но Фридрих никогда не стал бы старшим лейтенантом, если бы полагался только на свой слух и зрение. Офицеру разведки нужна еще интуиция, которой он и воспользовался. Вскинул руку, останавливая разведгруппу. Отделил пятерых егерей и послал прочесать район, от которого они только что удалились. Посланцы и нашли ефрейтора, сброшенного в овраг и наскоро заваленного примятой крапивой.

В планы горных стрелков не входило бегать по лесам за русским дезертиром. Разведгруппа шла к железке, проходившей в пяти километрах от того места, где ефрейтор Шульц неосторожно разбудил спящего красноармейца. И только убийство солдата Великой Германии заставило Фридриха изменить маршрут, чтобы наказать наглеца.

Погоню организовали по всем правилам охоты с преследованием.

Он бежал – а они шли; кружил – а они шли; прятался – а они шли, гоня его, словно зверя. Шли «волчьим ходом»: пружиня шаг, наклонив корпус, перенося вес тела чуть вперед. Что-то среднее между бегом и прогулочным шагом. А еще у немцев была карта-двухверстка, а у Алёшки – ничего, кроме желания выжить и не попасть в плен. Фрицы гнали Алексея в угол между двумя болотами.

Треснувший, но не развалившийся фронт был за спиной в пятнадцати верстах. Там до сих пор бухало и сверкало. Полного прорыва на всю глубину обороны не произошло. Советские части, выбитые из окопов первой и второй линии, цепляясь друг за друга, отходили с боями на заранее подготовленные позиции. Такая тактика противника и отсутствие резервов не позволяли командующему 23-м армейским корпусом генералу Альбрехту Шуберту выполнить поставленную перед ним задачу – прорвать фронт, выйти к железной дороге Селижарово – Лихославль и сходу взять Торжок.

Где-то здесь стояли советские части второго эшелона. Сплошной линии обороны тут не было, и только случай мог спасти Алексея. Он мечтал наткнуться на обозников, а упасть в окоп к своим вообще почитал за счастье. Но счастье удалялось от него по мере того, как он выбивался из сил, а лес редел, переходя в мочажину. Под ногами захлюпало, пошли мхи и кочкарники. Стена спасительного леса вильнула и ушла в сторону, синеватым забором охватывая болото по кругу. «В таких местах не роют окопы», – почему-то подумал красноармеец и затравлено обернулся, стараясь разглядеть серо-зеленые тени.

Немцы шли полукругом, сжимая удавку.

Раза три или четыре Алексей пытался вырваться из низины и кинуться в лес, но грязевые фонтанчики от пуль вставляли на его пути, заставляя бежать вглубь болота. Бог миловал, и боец не влетел в «окно». Это когда дёрн трещит и рвется, земля уходит из-под ног, выплевывая тебе навстречу вонючую серую жижу. Кто-то провел его между трясиновых пятаков и вытолкнул на дорогу, заставленную брошенной техникой. Алёшка не сомневался, что виденный им во сне архиерей где-то рядом, не оставляет и ведет к некому сакральному месту, известному только ему одному...

Так и получилось.

Грязный и мокрый, Алексей выбрался на насыпь и, переводя дыхание, устало уперся руками в колени. За дорогой солдат Смирнов увидел крыши домов и храм – такой же, как и во сне: черный и мокрый. К нему и вела Алексея невидимая рука. До церкви было не больше ста метров. Но эти метры представлялись ему самыми тяжелыми. Перед ним лежал океан прожорливой грязи, из которого торчали крыши легковых автомобилей, зарывшиеся по самые борта ЗИСы и даже легкий танк с размотанной гусеницей.

Готовя пути отхода, части 22-й армии взялись стелить гать, пытаясь срезать крюк и выскочить на большак², да не успели – дожди пошли.

Так и бросили всё: и дорогу, и технику.

Это были Мхи.

Забывая всеми, кроме Советской власти, деревня в глубине Селижаровских топей. В засушливые летние месяцы Моховское болото распадалась на три неровных части с поэтическими названиями: болото Бездонное, Донное и Полудонное. Хотя на карте имелись свои названия, но в деревне они не прижились.

Старики поговаривали, что у первого болота вообще нет дна; у второго вроде дно есть, метра два, и если твой рост выше этого параметра, то через болото можно пройти, если нет – лучше не соваться. А вот третье болото считалось самым загадочным. Идешь, вроде по колено, хлоп – и ты в яме, а там вода, вылез – и опять по колено, шагнул – и уже в трясине бездонной, из которой одна дорога... (в этом месте рассказчик многозначительно закатывал глаза, показывая пальцем на небо).

На болоте жили, по болоту ходили, в болоте хоронили.

Но не всё так плохо. Как леденец на палочке, так и деревня сидела на узкой дороге, связывающей Мхи с внешним миром. По ней вывозили торф, по ней привозили продукты в сельмаг, по ней уходили на фронт.

Сквозного проезда через деревню никогда не было. «У нас только стёжки да коровьи лепешки, – шутили мужики и договаривали: – Мы как блин из печи: дома по кругу, видим все друг друга».

Проплешина среди болот имела дюжину домов, церковь, магазин. За деревней возле дороги, на самом краю Полудонного – или, как еще говорили, Полуденного – болота стоял длинный барак, бывший когда-то правлением Моховского торфяного товарищества. После национализации товарищество получило громкое наименование «Моховское торфопредприятие им. Ильича». Смена вывески привела к тому, что предприятие лет через пять перевели в разряд неперспективных – по причине экономической нецелесообразности. Виной была та самая палочка леденца, которая ранней весной и поздней осенью исчезала под слоем талой или дождевой воды. Болота в это время соединялись, и никто уже не мог понять, где между ними граница.

² Большак – широкая, наезженная дорога.

Дело в том, что дорога от торфопредприятия ныряла в низину, с километр петляла между торфяными каналами и только потом выбиралась на сухой пригорок. Зимой здесь был зимник, летом летник. А весной и осенью Мхи превращались в остров.

При затяжных осенних дождях, что не редкость в здешних местах, земля обычно после Покрова начинала выдавливать воду, как бы говоря: «Мне хватит, это вам». После этого жди дня, когда потоки выйдут на поверхность, заливая окрестности.

Подойдешь к околице – и не знаешь, куда ногу поставить, что там было вчера – одному Богу известно. По деревне еще ходили, оставляя сапоги в грязи, а вот чуть дальше – только вплавать. Со склада после такого дня мешки с торфом вывозили на лодках, на них же и продукты подвозили.

И так до морозов.

Окошко в церкви засветилось желтоватым светом.

Хлопнула входная дверь, и через некоторое время три раза ухнул колокол и радостно зазвенели малые колокола. «Я тут бегаю, как лось, а у них там праздник», – зло подумал Алексей и еще раз обернулся, желая одного: чтобы за спиной никого не было, фрицы бы исчезли, а он оказался бы возле КПП какой-нибудь тыловой части...

Он знал, что скажет особисту: «Отступал с боями, упал от усталости, уснул и отстал. Оружия не терял, так как не имел – не положено по штату. Яростно бился за Родину. Вот книжка красноармейца, и вот всему сказанному подтверждение, – Алексей мысленно лезет в нагрудный карман и достает вещи фрица. – Это горный цветок – значок альпийского стрелка, нашедшего свою смерть в тверских болотах. А это его жетон... Наверное, диверсант... Где точно убил, не знаю, но там была деревня с церковью, а кругом болота...»

Но, увы, не дано человеку материализовывать мысли, превращая желаемое в действительное, а фантастику в реальность. Всё, что он вынес из школы – чудес нет и не бывает: в цирке – фокусники, в церкви – шарлатаны.

То, что Алёха узрел, вернуло его к реальности.

По его следам шла цепочка немецких солдат. След в след. А командир у них осёл: построил всех в затылок и погнал через болото, как баранов. «Ружье бы мне, хоть охотничье, и картечь – всех бы положил». Алексей невольно скосил глаза и понял, что недооценил офицера. Слева шла еще одна цепочка солдат, страхуя первую группу. И если первые уверенно наступали в Алёшкины следы, то в крайней группе всё время останавливались и прощупывали шестами почву.

И тут до него дошло. Если гонят – значит, за деревней нет хода. Или такой же торфяник, или, что еще хуже, топь. Утопить хотят. Суки мстительные. Рядового, оставившего свою часть три дня назад, никто бы не повел в плен – не того полета птица. Пристрелили бы и всё. И даже крапивой не закидали. Мороз пробежал по коже, и Алексею стало жалко себя.

Если бы не архиерей, лежал бы он сейчас в осиннике вместо того фрица. Спал ли он на ходу, или стоя дремал, Алёшка не помнил. Последние несколько часов шел в забыты, сжимая в руке саперную лопатку, и всё искал сухое место в сыром лесу. Он ли увидел фрица, или тот сам его толкнул, Смирнов тоже не помнил. И как ударил немца – не видел. Сработал рефлекс на окрик по-немецки. Махнул рукой под архиерейское благословение и снес гансу полголовы...

Алексей хотел прекратить эту игру, но не мог.

Животный страх сковал его, заставляя бежать от смерти, идущей по пятам. «Жить любой ценой», – стучало в его воспаленном мозгу. Лучше плен, чем могила. Перед глазами мелькнуло видение: полуистлевший, оскалившийся труп, покрытый мхом и грибами, между которых шевелится клубок червей. А еще плачущая мамка у окна...

– Я не хочу умирать! – Алексей вскрикнул и замотал головой. – Не хочууу! – Неведенье томило его, мучая и изводя до поноса. И если до этого дня боец Красной Армии Алексей Смирнов ни разу не подумал, что смертен, то сегодня он побил все рекорды по размышлению на тему «Что там и как?» Он не знал, чего ждать от смерти, и боялся её. Как это так – взять и прервать нить жизни? А дальше что? Что потом? Тлен, прах, пустота... Что, он никогда не увидит солнца? Не будет дышать этим воздухом? Не услышит пения птиц? Но почему? На этот вопрос у него не нашлось ответа.

Когда-то в далеком детстве от дремучих старух он слышал про бессмертие души. Про Страшный суд. Про ад и рай. И, кажется, тогда он во всё это верил... Но потом стал наглым и хамоватым. Не для людей – для Бога, от которого отрёкся, сорвав с себя крестик. И, что самое странное, людей он боялся больше Бога. Пересуды, взгляды, выговоры, увольнения и даже аресты – вот чего боялись все, и он в том числе. Люди – они рядом, а Бог... где он... и есть ли Он вообще?..

Тусклый диск солнца еле проглядывался сквозь темные, низкие тучи. Ветер поднимал воротник и шевелил волосы на голове. Пилотку Алёшка потерял, а шинель бросил: сукно набухло, превратившись в камень, который он не мог уже тащить. Ветер принес обрывки чужой гортанной речи: немцы были на подходе, надо было спешить.

Солдат устало дернулся и побежал к церкви, проваливаясь по колено в грязь.

Чернявая, коротко стриженная лопухая голова мелькала в оконном проеме. Вверх-вниз, вверх-вниз. Будучи хилого телосложения, Иван немного устал. Но всё равно он радостно качался на бревне, соединенном пеньковой веревкой с языком колокола. От сырости веревка чуть провисла, и не всегда удар получался полноценным. Пришлось приловчиться, чтобы с одного толчка звон получался гулким и протяжным. Ванька три раза качнул бревно, прыгнул и, схватившись за веревки, стал трезвонить в малые колокола.

Как таковых колоколов не было.

Вместо большого колокола висела рельса, а вместо малых – два швеллера³ с привязанными к ним огромными гайками размером с кулак. Саперы выручили. За два лукошка яиц принесли и подвесили на колокольне. «Хоть какой, а всё же звон», – сказал тогда отец Алексей и послал Дарью купить в деревне самогона. Без самогона солдаты не хотели тащить рельсу на колокольню.

Еще в 1929 году в целях борьбы с колокольным звоном, якобы мешающим непрерывной рабочей неделе, власть приняла решение об изъятии колоколов во всех церквях. На самом деле стране не хватало чугуна, меди, бронзы – и колокола, по мнению властей, должны были эту проблему решить. Конфисковывали повсеместно, как и положено – с яростным энтузиазмом. Проблему не решили, а церкви умолкли. А тут война. Вот и решил отец Алексей воспользоваться ситуацией.

Людам Бог в подспорье, в веру, в надежду.

А как узнать, что служба началась? Как позвать народ на литургию? Вот и придумал батюшка поднять на колокольню рельс, а чтобы разнообразить звон, туда же затащили и два швеллера.

Иван помнил, как его посвящали в церковнослужители.

³ Швеллер – металлическая балка, в сечении напоминающая букву «П».

Последнее время отец всё время повторял: «Жатвы много, а делателей мало; итак, молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою»⁴.

Начало войны подхлестнуло отца Алексея в решимости провести хиротесию⁵ над средним сыном. Старший, Фёдор, был рукоположен в дьяконы еще в прошлом году, а вот с Иваном батюшка всё тянул. Отец ожидал, когда сын возмужает умом и укрепит верою – слишком романтичным был у него характер. В голове одни индейцы и рыцари. А в церковном послушании как-то нерадив: то зевота на мальчика нападет во время чтения Священного Писания; то в носу козюлю найдет и не знает, куда её деть; а то стоит в храме – и видно, что его здесь нет: бегаёт мысленно по гумну с пацанами, в футбол гоняет.

Через три недели после своего возвращения отец Алексей нашёл у него под подушкой «Айвенго» Вальтера Скотта. Книга лежала без обложки и титульного листа, но батюшка узнал её. Года два назад дал почитать кому-то из детей в деревне, и вот Айвенго вернулся. Отец открыл, полистал, увидел размалёванного рыцаря, хмыкнул и спросил: «Не рановато еще читать про рыцарей?» – «Да нет», – как ни в чём не бывало ответил Иван и потупил взгляд. – «А конника зачем разрисовал?» – «Это не я, но чужой грех беру на себя. Только не ругай Мишку».

Какого Мишку и за что его ругать, батюшка не понял, но услышанное потрясло его до глубины души, и он чуть было не свистнул, пораженный откровением детской души. «Это ты здесь почерпнул?» – спросил тогда отец и, закрыв книгу, протянул Ивану. – «Не всё, но что-то и отсюда».

Ответ укрепил отца Алексея в решимости рукоположить среднего сына, чтобы он служил не как благословенный мирянин, а как церковнослужитель. Ввести его в клир как чтеца. Быть иподиаконом, который уже может прикасаться к престолу во время богослужения, кадить в храме и входить в алтарь через Царские врата, Ивану было еще рановато по возрасту, а вот на чтецов возрастных ограничений не было. А там, глядишь, и до диаконства дорастет. Батюшка словно чувствовал что-то и спешил устроить свои земные дела.

На следующий день отец Алексей написал письмо владыке с просьбой прийти и провести чин посвящения Фёдора в пресвитеры⁶, а Ивана в чтецы. Случилось это в четвертую седмицу по Пятидесятнице на двадцать третий день войны.

Всю следующую и часть шедшей за ней седмицы Иван по благословению отца бежал на станцию – на почту. Из-за болот, охватывающих Мхи подковой, приходилось делать крюк, и выходило почти десять верст. Десять туда, десять обратно. На дорогу и на ожидание маневрового, с которым обычно приезжал почтальон, уходил весь световой день. Отец освободил сына от домашних дел, не освободив от церковных: поручил читать Псалтырь – по убиенным, раненым и живым. Полное прочтение занимало шесть часов. Иван начинал с вечера, с восьми, и заканчивал перед петухами. После чего здесь же, в храме, садился на лавку и сидя читал вечернее правило по памяти, засыпая на словах: «В руце Твои, Господи Иисусе Христе, Боже мой, предаю дух мой...» Дальше он уже не мог ничего сказать, кулем падал на лежанку. А иногда и мимо. Так продолжалось всю неделю, пока почтальон не сказал: «Пляши!»

Кому отец писал, Иван понял лишь после того, как ответ был зачитан с амвона⁷ в переполненной церкви. В тот день был двойной праздник: воскресенье и Смоленской иконы Божией Матери, именуемой «Одигитрия». В маленькую деревянную церквушку набилась вся деревня, да еще пришлые из соседних сёл. На сорок верст в округе из действующих церквей было только две: одна во Мхах, а другая аж в Торжке. Мужики стояли с повестками, бабы – с ладанками, иконками и крестиками. Те, кто не смог войти в притвор, ждали на улице, когда выйдут люди

⁴ Мф. 9:37–38; Лк. 10:2.

⁵ Хиротесия – возложение рук с молитвой для посвящения в чин низшего клира – в церковнослужители. Право хиротесии принадлежит епископам.

⁶ Пресвитер – иерей, священник.

⁷ Амвон – выступ в середине солеи (возвышенности перед иконостасом), напротив Царских врат.

и можно будет подойти к отцу Алексию за благословением: чтобы не убили, не умер от ран, не покалечили или, не дай Бог, в плен не попал.

Война всех заставила вспомнить о Боге.

Отец Алексей, облаченный по случаю большого праздника в белоснежную фелонь, зачитал письмо, полученное накануне из Лихославля. Он обязан был донести волю епископа до народа, потому что по канонам только архиерей мог провести чин посвящения.

«Отец Алексей, по неким обстоятельствам, тебе хорошо известным, не имею возможности прийти к тебе, но горю сердцем исполнить просьбу твою. И так как нас весьма малое осталось число, с радостью принимаю от тебя известие о желании твоём посвятить Иоанна в церковнослужители. Возношу молитву к Господу с просьбой украсить священосца нескверными и непорочными одеждами, просветить его, чтобы он в будущем веке принял нетленный венец жизни. Постричь же власа́ его и возложить фелонь поручаю тебе, отче. Я же буду просить Господа Вседержителя освятить посвящаемого Иоанна как Своего избранника и даровать ему со всякою Премудростию и разумом совершать поучение и чтение Божественных писаний в храме Божиим, сохраняя его в непорочном жительстве. Наметим с тобой общую молитву на литургию в праздник Смоленской иконы Пресвятой Матери Богородицы. Спаси, Господи, страну нашу и воинство ея от супостата, посягнувшего на веру православную. Да пребудет благословение Господне на всех и за вся. Аминь!

Архимандрит Сергей, д. Владычно, 20 июля 1941 г.».

Отец Алексей дочитал, сложил письмо и сунул под фелонь. Ту часть послания, которая касалась старшего сына Фёдора, он не стал озвучивать, рассудив, что у него еще есть время, и, глядишь, на Рождество получится отправить сына в Лихославль.

Иван в последний раз дернул веревку, проследил взглядом, как гайка коснулась швеллера, и невольно обернулся, услышав одиночные выстрелы. От болот к церкви брел грязный солдат, который всё время оглядывался. Сквозь пелену дождя Иван разглядел тех кто шел сзади и стрелял. В груди защемило: нашего, гонят немцы. Ваня никогда раньше не видел фрицев, но догадался.

Чем ближе незнакомец подходил к колокольне, тем явственней пацан видел выцветшую гимнастерку с малиновыми петлицами на воротнике, грязно-серое галифе и сапоги, вымазанные чем-то бурым. Кто такой и откуда, Ивану не дано было знать. Единственное, что мальчишка понял (скорей почувствовал) – с этим человеком в их дом придет беда.

Красноармеец шел без оружия.

Он шатался и всё время падал. Когда поднимался, спина сутулилась и руки свисали плетью, касаясь травы. Когда шел, ноги заплетались; он путался в них и снова падал. Он уже не мог бежать. Вставал, падал, снова вставал и шел... к церкви.

Ванька, подтянув руками стихарь⁸, сломя голову кинулся вниз с колокольни, чтобы успеть предупредить отца.

⁸ Стихарь – богослужебное облачение, прямая длинная одежда с широкими рукавами.

Глава 3

Старшая дочь встала вместе с отцом.

Она видела, как он со свечой зашел в чулан, как поправил одеяло на малом, как гонял муху и крестил всех со словами «Господи, помилуй!», но не подала виду, что проснулась. Отец всегда переживал, если разбудит кого ненароком, и когда была возможность поспать, говорил: «Спите, пока спится». Дашка дождалась, когда громыхнет щеколда в сених, и только после этого спустилась с печи.

Натянула телогрейку поверх ночной рубашки и прошмыгнула на кухню, где пол холодил ступни даже через суконные носки.

Из-за печи Дарья достала коврик. Расстелила на полу, встала на него ногами. Ворс был мягкий, приятный. Дарья проверила задвижки – всё ли так, как надо. Сей нехитрой премудрости внучку научила бабушка Аксинья, приговаривая: «Запомни, Дашка, русские печи – они угарные в неумелых руках. Следи за дымоходом, тяга пропала – пришла беда или святых будете выносить, или самих вынесут». Взяв кочергу, Дарья сдвинула горящие поленья вглубь горнила, по опыту зная: дрова прогорят через час, образовав скатерть из мерцающих углей.

Печь берегли: топили один раз в день, чтобы не перекалить, не разрушить и пожар не устроить. «Сколько народу из-за своей дурости погибло, жуть, – причитала бабушка Аксинья, наблюдая, как четырехлетняя Даша неумело высекает искры, ударяя кремнем о кресало. – И пожары были, и угорали, – продолжала старушка, орудуя ухватом. – Настелют одеял ватных на печь, натопят – и уйдут гулять на Рождество, дня на три. Придут – а от дома одни головешки».

Видя, что не получается у внучки добыть огонь, Аксинья сама брала огниво и ловко высекала сноп искры на сухой трутень. «Я готовить буду, а ты учись, тюкай и тюкай, авось пригодится когда-нибудь», – приговаривала бабушка...

Так и вышло.

Пришли времена – разжигают огнивом, стирают золой. Спички, соль, мыло и керосин пропали еще в июле. Вместо продуктов появился лозунг «Всё для фронта! Всё для победы!» Сей девиз не мог накормить, зато не оставлял надежды на скорое окончание войны.

Стараясь не греметь, Дарья подняла чугунок с картошкой, ставя в печь. Привалила заслонку и перекрестилась. С Покрова в деревню никто не навещался, и они не выходили. В Ранцево был базар, где меняли сало и мыло на соль и спички, но им нечего было предложить, а бесплатно там только матюки раздавали.

С тех пор как пошли дожди и болото поглотило дорогу, про Мхи забыли, поставив на оставшихся большой жирный крест. Так и жили лешаками, потихоньку справляя в храме ежедневную службу, благодаря Господа за прожитый день и вознося молитвы на день грядущий – за воинство, за победу, за усопших и за живых.

Знала, что твердая, но всё равно потыкала ножом картошку. Так, на всякий случай. Пока вода не закипела, Дарья решила сбегать в церковь, посмотреть. Благо дом стоял почти вприкрык к колокольне. На старшую дочь, кроме забот по дому, была возложена, по благословению, ответственность за порядок в храме. Отец не любил, когда не мыты полы или не убраны огарки с подсвечников. Вчера всё вроде убрали, но на всякий случай надо еще раз глянуть – вдруг в темноте что-то да упустили? Дашка сунула ноги в холодные сапоги, накинула на голову шаль и ловко прошмыгнула мимо отца, входящего в горницу. «Ты куда?» – «Я мигом», – крикнула дочь и растворилась в сыром утреннем полумраке.

Таня и Степка проснулись последними.

Поддерживая малого за руки, Танюшка помогла братику спуститься с печи. Слезла сама, взяла его за руку и потянула туда, где тепло, пахло картошкой и слышался веселый голос что-то рассказывающего отца. Печь прогрелась, в доме повеселело – и утро уже не казалось таким хмурым и холодным.

Степан тер глаза, зевал и всё время озирался на теплую печь. Под одеялом всегда хорошо, и где-то там остался «тряпошный солдат», сшитый Дарьей специально по просьбе Степана: игрушка с огромной головой-буденовкой, похожей на большую луковицу. К голове куклы была прикреплена звездочка, подаренная сапером – одним из тех, что в сентябре строили тут дорогу. Куда потом делся дядька-солдат, Степку мало интересовало, главное, что память о нём осталась и в данный момент лежала между двумя подушками, направив свои стеклянные пуговичные глаза в потолок. Степан знал: солдату на печи жарко, но, верный своему долгу, он терпеливо будет ждать, когда командира умоют, накормят, оденут и тот прибежит за ним, чтобы вместе идти в поход на Гитлера. У солдата не было имени, не было ружья, гимнастерки. Не было и профессии: танкист, сапер, летчик – солдат да и всё. И ноги были у бойца ватные, как и весь он сам...

Степан выдернул ладошку из Таниной руки, развернулся и пошел к печи. Солдата решил покормить, а то что же он за командир такой – сам ест, а подчиненного не кормит?

Мудростей армейской жизни Степка нахватался от саперов. Весь сентябрь он ходил на болото смотреть, как там стелют гать. На дороге малой проводил весь день, слушая нехитрый солдатский юмор. Там же ел, а днем спал в шалаше, накрытый солдатской телогрейкой. Оттуда он принес пилотку, звездочку, эмблему с топориками и самое главное – понимание, что командир – отец солдатам. А еще Степкина голова была забита всякими прибаутками, которых он нахватал, как паршивый кот блох. «Покорнейше благодарю, не нюхаю и не курю», – говорил он, проходя мимо сельмага, возле которого мужики толпились в очереди за махоркой.

– Эй, а умываться? – Танюшка растерянно остановилась, пожала плечами, сморщила личико и развела руки от удивления.

– Неумытый и небритый на печи лежит забытый, – пропел «командир» и полез на печь за своим подчиненным.

Общение с солдатом затянулось, и когда Степан пришел в горницу, где обычно обедали, взрослые уже разошлись. За столом, болтая ногой, сидела Танюшка, подперев щеку и лениво тыча вилкой в разварившуюся картошку, лежавшую перед ней на тарелке. На середине стола стояла миска с бочковыми помидорами – твердыми, зелеными, похожими на моченые яблоки. Там же, в тарелке, горкой навалена была капуста – белая и не закисшая еще. Рядом на деревянной подставке красовалось вареное яйцо. И всё...

Степан обвел взглядом продукты, соображая, что можно дать подчиненному, чтобы не испачкался. Как командир он следил за бойцом и иногда поругивал, если тот во что-нибудь вляпается. Стирать солдата никто не хотел, отговариваясь фразой: «Твой солдатик – ты и стирай». А стирать Степка не умел.

– А где все? – спросил малой и полез на лавку.

– Ушли, – болтать не хотелось, и Танюшка отделялась короткими фразами, как печатная машинка: стукнет слово – и замолкнет. Настроение было паршивое: снов плохих Таня не видела или не запомнила, а вот чувство тревоги привалило, как только отец увидел её, подхватил под руки и, приподняв, чмокнул в щеку со словами: «С добрым утром, дочка!» – «И тебя, папа, с добрым утром, – Танюшка улыбнулась, и невольно вырвалось у неё: – Ты холодный какой-то». – «Так не лето на дворе...», – отшутился отец и поставил дочь на пол. Холод был не уличный, другой, а какой – дочь не знала и промолчала. Такой холодной была мама,

когда умерла. И вот теперь эта мысль не давала Танюшке покоя. Занозой засела в голове, не желая уходить.

Её размышления прервал Степка.

– Кому яйцо?

– Тебе, – продолжая ковырять картошку, сказала сестренка.

– А ему что? – Стёпка уселся, выдернул из-под лавки «тряпошного» солдата и усадил рядом с собой.

– Дулю, – не глядя на солдата, Танюшка сжала кулак с выставленным большим пальцем и сунула кукле в нос. – Накосья выкуси... кормить мы его еще будем... дармоеда.

– Эй, ты чего? – Степан аж оторопел от такого наскока и, косясь на сестру, забормотал, притянув к себе солдата: – Не бойся, я тебя в обиду не дам.

– А он мне и сто лет не нужен! – крикнула Таня, не понимая, что происходит. Откуда-то вдруг появилась злоба к солдату. За что невзлюбила игрушку со звездочкой на лбу, с ватными ручками и ножками – Танюшка не знала. Спрыгнула с лавки и со слезами кинулась в комнату.

В семье не принято было ругаться, ссориться и тем более нападать на младших. Степка остался один, картошка не лезла в горло, и он отодвинул тарелку. На душе было грустно и обидно за своего бойца. Что тот сделал плохого, чем провинился перед его сестрой? Степан хотел спрыгнуть, побежать за ней, чтобы спросить, но слезы обиды задушили – и он разрыдался.

Громыхнула щеколда, и из сеней в кухню прошла Дашка с ведром воды. Рёв в горнице, всхлипывания в комнате, солдат на полу и развал на столе... Поставив ведро на табурет, старшая сестра наспех вытерла руки о полотенце и повернулась к малым.

– Ну и кто первый начал?

Дети молчали. Жаловаться и ябедничать были не приучены. Поняв свою оплошность, Дарья изменила тактику.

– Из-за солдата, да?

Дети продолжали молчать.

– Есть не хотел солдат... упирался? – Даша старалась подобрать ключи к детским сердцам. И, кажется, у неё получилось.

– О-о-он хотел, – навзрыд проговорил Степка, – то-о-о-лько она не разрешила ему есть...

Дарья взяла брата на руки, подняла солдата, и втроем они пошли в комнату, где на лавке плакала Танюшка. Дашка села рядом и притянула сестренку к себе.

– Чем тебе не угодил Степкин солдат?

Давя в себе всхлипы, Таня вытерла глаза и посмотрела на сестру.

– Он злой.

– Он не злой, он с печки упал, – размазывая слезы по лицу, запротестовал Степан, стараясь защитить свою игрушку.

Только сейчас Дарья заметила, что в том месте, где был нарисован рот, порвалась ткань. Вата вылезла, и солдат стал похож на маленькое зубастое пугало. Некогда радостная улыбка превратился в злобный, нехороший оскал, полный белых ватных зубов.

– Рот мы ему зашьем, а вы больше не ссорьтесь, хорошо? – Дашка крепко прижала к себе брата и сестру. – Давайте мириться... Где мы, там любовь, а в любви нет места слезам и обидам. Кто так сказал?

– Папка, – Танюшка попыталась улыбнуться, вспомнила про отца, про его холодную щеку – и слезы вновь навернулись у нее на глазах.

Глухо ухнула рельса на колокольне – и тяжелый утробный звук поплыл над Мхами.

– Ваня уже в рельсу бьет. Нас зовет, – Дарья вытерла им щеки ладонью, потрепала по головам и, кивнув, позвала: – Пойдем?

– Пойдем, – одновременно крикнули младшие и кинулись одеваться.

Из всех детей только старшие – Фёдор и Дарья – пошли в отца: такие же крупные, русые и скуластые. Остальные были в мать – чернявые и мелкие. Среди деревенских пацанов один Фёдор решался жонглировать пудовыми гирями. В честь былинного богатыря и дали ему прозвище – Попович. А так как в деревне принято всех назвать по дворовому, прозвище перешло на всю семью, тем более что оно полностью отражало род занятий отца Алексия и матушки Елизаветы.

Широко расставив ноги и свесив орарь через плечо, Фёдор стоял перед аналоем, на котором лежало зачитанное (не одним поколением Голиковых) Евангелие. Книгу много раз клеили и сшивали, но от ветхости она расползалась сама собой. Молодой голос звенел в гулкой церкви. Из прихожан были только дети отца Алексия.

Еще в конце сентября деревня обезлюдела. Одних мобилизовали, другие записались в партизаны; тех, кто подлежал эвакуации, вывезли в город, а остальные ушли сами – по мере того как приближался фронт. Во Мхах остались только Голиковы. Никому не нужные и всеми забытые. Властям не было никакого дела до попа и его семьи. А что до энкавэдэшников, то был негласный приказ: поповские семьи не вывозить. Немцы расстреляют – хорошо, не расстреляют – еще лучше, будет повод дырку для ордена проколоть. А чтобы с голоду не подохли, разрешили на брошенных колхозных полях копать картошку. Раскисшую и гнилую. На этом помощь от властей заканчивалась. Выживут так выживут, а не выживут – тем лучше. Меньше мороки.

Треск выстрелов заставил Фёдора отвлечься. Читая по памяти Священное Писание, он сбился и стал лихорадочно шарить глазами по книге, ища прочитанные строки.

– «И сниде буря ветреная в езеро, и скончавахуся и в беде беху», – раздался властный голос из алтаря. Отец Алексий слышал выстрелы и понял, что сын оробел.

Двух строчек и бодрого отцовского голоса хватило Фёдору, чтобы вспомнить текст. Он облегченно вздохнул и нараспев закончил:

– «И приступльше воздвигоша Его, глаголюще: Наставниче, Наставниче, погибаем. Он же востав запрети ветру и волнению водному, и улегоста, и бысть тишина. Рече же им: где есть вера ваша? Убоявшеся же чудишася, глаголюще друг ко другу: кто убо Сей есть, яко и ветром повелевает и воде, и послушают Его⁹?».

Первую половину службы завершили стройные голоса Дарьи и Танюшки: «Слава Тебе, Господи, слава Тебе!»

Фёдор поцеловал Евангелие, плотно сжал разбухшую от старости книгу и понес к Царским вратам для передачи в руки священника. Он шел и считал: раз, два, три... Чувствовал внутри напряжение нервов. Видел сестру Дарью и маленькие детские ладошки, вложенные в ее руки. Слышал, как в алтаре зазвенело кадило и запахло успокаивающим ладаном. Сколько должно пройти времени, прежде чем хлопнет дверь и сюда войдут? Четыре, пять, шесть... Дверь не хлопнула – она саданула с размаху коробкой о косяк с такой силой, что святые на стенах вздрогнули.

На пороге стоял Иван – перепачканный сажей, с ружьем и коробкой патронов. От удара поток сырого воздуха ворвался в храм, гася свечи. Дверь протяжно заныла, возвращаясь на свое место, и, подпираемая всё тем же потоком воздуха, плотно закрылась. Горящие лампы

⁹ Лк. 8:23–25 (тексты, которые читаются во время службы, приведены на церковнославянском языке, все остальные даны в синодальном переводе для удобства восприятия читателем сути происходящего).

не давали света, а то, что проникало в маленькое запотевшее окно, лишь разбавляло темноту, превращая её в полумрак.

– Немцы! – крикнул Ваня и, надавив на колено, переломил охотничий гладкоствол. Загнал патрон в патронник и щелкнул ружьем, приводя его в боевую готовность. – Солдата нашего гонят, убить хотят.

Ружье висело в доме за печкой. «Успел сбежать, сорванец», – глядя на сына, отец Алексей сошел с амвона и поманил Ивана к себе.

– Не для тебя ли сказано: «Возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут»?

Взял у сына ружье, вынул патроны из ствола, захлопнул двустволку и со словами: «Пойди спрячь», – показал на лавку, стоящую у стены.

– А ты, – кивнул Дарье, – скатертью накрой, да край свесь, чтобы не увидели, – отец явно был расстроен. Не тем, что сын несдержан, а что непредсказуем. Нет в нём кротости и смирения. Глядя, как Иван сует ружье под лавку, изрек: – Подходите все. Благословлю вас... и будем прощаться, – батюшка перекрестился и поманил детей. Те замерли, боясь переспросить: зачем прощаться? Робко подошли и встали вокруг отца.

Отец Алексей начал с младших.

Целовал каждого троекратно в щеки и в лоб, прижимал к себе, трепал по волосам, брал детскую руку в свои ручищи и целовал – словно не он благословлял, а сам брал благословение. Крестил и со словами «Во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа» отстранял, чтобы обнять, потрепать и благословить очередное свое чадо.

Услышав про солдата, отец Алексей понял: сон в руку. Не было только ангелов и херувимов. «Но как только – так сразу, за ними не заржавеет...» – пронеслось в голове, и батюшка перекрестился, гоня от себя некстати явившиеся мысли. Что делать и как себя вести, священник не знал. Если бы ночью пришли чекисты, он, наверное, меньше бы растерялся, чем сейчас. Ареста он ждал каждый день, а тут... как-то всё непонятно... странно и немного страшновато. Он боялся не смерти... встречи.

– Господь милостив, Он подскажет, Он научит, – прошептал отец Алексей, устремляя взор вверх иконостаса – туда, где в лучах утреннего солнца сиял Спаситель. На ум пришли строки из Евангелия от Луки: «Отче! о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! впрочем не Моя воля, но Твоя да будет¹⁰». Батюшка помолчал, вспоминая события страстной пятницы, и продолжил, возвышая голос: – Как Ты не ослушался Отца Своего, так и я, раб Твой, не слушаюсь Тебя – Сына Божьего. Об одном прошу: вот чада мои неразумные – сбереги их. Не для меня, ибо я уже не в мире, для Себя сбереги.

– Может, они и не за тобой, – робко предположил Фёдор, теребя ворот. Ему было душно, давила тоска, и хотелось скинуть тяжелый, расшитый крестами стихарь.

– Если не за мной, то за кем? За тобой? – отец посмотрел на старшего сына. – Или за ними? – кивком головы показал на младших детей, ластящихся к нему, как котята. – Обнимите меня и не плачьте, ночью поплачете, – отец Алексей сгреб всех разом, притянул к себе и стал лихорадочно чмокать детские макушки, втягивая ноздрями такие родные и дорогие ему запахи. Целовал и наставлял: «Только не ссорьтесь, живите в мире и любви, как Господь наш Иисус Христос завещал. Как мы с матерью вас учили, так и поступайте: по совести и по доброте. Да пребудет с вами Божья сила и благодать». Батюшка сдерживал слезы, боясь показать их детям, но они всё поняли – захлюпали носами, захныкали и зарыдали в голос, как по покойнику...

¹⁰ 2 Лк. 22:42.

Глава 4

Фельдфебель Литке с молчаливого согласия Фридриха, который в бинокль разглядывал деревню, дал команду соорудить из подручных средств настил. Пачкаться в грязи никто не хотел, и немцы с радостью принялись вырубать молодые деревья, росшие вдоль насыпи. Егеря стучали топориками бойко и шумно, чувствуя себя здесь хозяевами. И то, что здесь был русский тыл, их только забавляло.

Диверсионная группа, состоящая из четырнадцати молодых, рослых егерей, перешла линию фронта три недели назад. Их задача – ликвидация техники и малых групп противника, дестабилизация обстановки, создание паники и уничтожение комсостава. Сейчас их осталось тринадцать: офицер, фельдфебель и одиннадцать солдат. Четырнадцатый – радист Шульц – был похоронен в безымянном русском овраге.

Группа возвращалась с очередной диверсии – не за линию фронта, как положено, а наоборот, вглубь, в тыл советской 22-й армии, туда, где у них была лёжка – несколько шалашей, спрятанных в лесной чаще вдали от дорог и партизанских троп. За пятнадцать дней группа Фридриха пустила под откос два эшелона с танками, которых катастрофически не хватало Красной армии; подорвала один железнодорожный и два автомобильных моста; сожгла колонну колхозных тракторов, вывозивших зерно; уничтожила восемь грузовиков с новобранцами, убив около сотни безоружных бойцов; закидала гранатами и расстреляла две «эмки» с начсоставом и мотоциклистами сопровождения. Добытой информации: карт, отчетов и донесений – хватило Шульцу на несколько радиосеансов с Центром. Обер-лейтенант мог гордиться этим рейдом и мысленно уже колол дырку для Железного креста. Такие впечатляющие результаты – и без потерь...

И надо же было наткнуться на этого русского!

Фридрих был зол. Во-первых, он не нашел на убитом солдатского жетона и понял, что его забрал красноармеец. А во-вторых, они остались без радиста и без рации, которая разбилась при падении Шульца на дно оврага.

Подчиненные не роптали, но было легкое недовольство Фридрихом. Вместо того чтобы пускать под откос составы с танками и расстреливать автомашины, они с утра бегают за полумным красноармейцем. Несколько раз командиру предлагали срезать русского из снайперской винтовки, но обер-лейтенант был против. Шульц приходился Фридриху родственником, и командир поклялся отомстить. Не убить, а отомстить: засунуть вальтер в рот красноармейцу, посмотреть в его перепуганные глаза и нажать на курок... И еще он просто обязан был забрать жетон. Медальон смерти состоял из двух половинок; в случае гибели солдата жетон разламывали, одну часть отправляли семье для начисления пособия, а другую хоронили вместе с погибшим.

Пока рубили деревья и стелили тропу, большая часть фрицев развлекалась тем, что наблюдала за красноармейцем. Егеря гоготали в голос и делали ставки сигаретами на то, сколько раз упадет русский и дойдет ли он вообще до церкви.

Возле крыльца Алексей оперся на резной столб. Постоял и попытался взойти. Шаг, еще и еще... Ватные ноги не хотели держать тело, и красноармеец, споткнувшись о последнюю ступеньку, рухнул на настил. Подняться уже не смог... так и пополз по крыльцу, пока не уткнулся в косяк.

Толкнул головой дверь и перебрался через порог со словами: «Помогите Христа ради... погибаю». Обвел взглядом темное убранство, не замечая икон, святых ликов, стоящих людей. Он не видел ничего. Лишь только свет лампад, мерцающих в глубине храма, указывал ему путь туда, где, по его разумению, должно было быть спасение. Солдат оттолкнулся – и из последних сил, шлепая мокрыми руками по полу, пополз к алтарю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.